

Вернувшись в съёмную квартиру, Цзян Жо обнаружил, что на часах ровно два часа ночи.

Сквозь щель под дверью левой спальни пробивался слабый свет. Цзян Жо дважды негромко постучал, приоткрыл дверь и увидел, как Ань Хэ пытается приподняться на постели.

Он поспешно подошёл, мягко уложил друга обратно, осторожно надавив на плечи, и достал из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенную пачку купюр.

— Теперь-то душа спокойна?

Ань Хэ слабо покачал головой:

— Я за тебя переживал.

— Да о чём тут переживать? — усмехнулся Цзян Жо. — О себе лучше подумай. У тебя ведь послезавтра съёмки, забыл?

Они были коллегами по цеху и познакомились на съёмочной площадке. В тот день Цзян Жо играл «труп», который по сценарию должен был живописно лежать прямо на Ань Хэ. После суматошной сцены драки оба вымотались так, что не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. И всё же Цзян Жо, боясь раздавить лежащего под ним парня, упёрся локтями в землю, облегчая тому жизнь.

Пустяк, который сам Цзян Жо счёл отличной тренировкой для мышц кора, но Ань Хэ проникся искренней благодарностью. После съёмок они разговорились за дешёвыми обеденными боксами и обменялись контактами. Позже Ань Хэ сам предложил снимать квартиру вместе, уверяя, что Цзян Жо кажется ему невероятно знакомым.

Тогда Цзян Жо в шутку спросил:

— Уж не бывшим ли я тебе кажусь?

Такая лёгкость в признании собственной ориентации избавила Ань Хэ от мучительных раздумий о том, как раскрыться перед новым знакомым. Хотя испугался он знатно — у него чуть глаза на лоб не вылезли:

— Ты что, тоже из наших?

Впрочем, поверить в это и правда было трудно. Цзян Жо по жизни отличался редкой неприхотливостью и к быту относился просто. Пока другие актёры тащили на съёмки баулы с уходовой косметикой, он заявлялся налегке — в джинсах, кроссовках и с пустыми руками, гордо именуя это «мобильностью» и обещая докупить всё необходимое на месте. Парни из их

круга, даже если не отличались изысканными манерами, перед выходом на улицу всё же старались прихорошиться. На тематических форумах, куда они заглядывали, самыми популярными темами после свиданий на одну ночь были тренировки и подбор гардероба. Цзян Жо же со своей беспечностью излучал такую ауру стопроцентного натурала, что заподозрить в нём гея было практически невозможно.

Ань Хэ уныло откинулся на подушку и пробормотал сквозь зубы:

— Да уж... Хорошо хоть, съёмки были в павильоне. Если бы я грохнулся в обморок на улице, пришлось бы оформлять производственную травму.

— Сдаётся мне, ты ради лишнего юаня готов душу продать, — усмехнулся Цзян Жо.

— Как и ты.

Ань Хэ не ел весь день, поэтому Цзян Жо отправился на кухню и соорудил ему миску лапши. Он специально поварил её подольше, чтобы она стала мягкой, разболтал в бульоне яйцо и вместо палочек дал другу ложку.

Ань Хэ, полулёжа в постели, съел пару ложек и вдруг вздохнул:

— Иногда мне кажется, что ты мой потерянный старший брат.

Цзян Жо, который ещё при первой встрече умудрился вызвать у парня это самое «братское чувство», лишь фыркнул:

— Ты даже собственной фамилии не помнишь. Сдаётся мне, твой старший брат — просто плод твоего воображения.

Судьба Ань Хэ была куда горше, чем у самого Цзян Жо. Малышом его похитили и продали. Из-за возраста и транквилизаторов, которыми его пичкали похитители, он напрочь забыл имена родителей и их лица. Единственное, что смутно всплывало в памяти — он был родом из Фэнчэна. Приёмная семья жила бедно, поэтому, едва парень окончил среднюю школу, его выставили за дверь зарабатывать на хлеб. Сейчас он разрывался между съёмочной площадкой днём и баром по ночам, наскребая за месяц около десяти тысяч юаней, больше половины из которых послушно отправлял «родителям».

Цзян Жо не раз ругал его за это:

— Ты к ним со всей душой, а они видят в тебе только банкомат. Хватит быть размазнёй, оборви ты с ними все связи!

На это Ань Хэ лишь добродушно улыбался:

— Пусть мы не родные по крови, но за столько лет свыклись. Родство — штука тонкая, его из сердца не выкинешь.

И обязательно добавлял, пытаясь смягчить гнев друга:

— К тому же они хорошо ко мне относились. По крайней мере, вырастили. Это ведь тоже не просто.

В конце концов Цзян Жо бросил эти бесполезные попытки вправить другу мозги. Все они были взрослыми людьми, и каждый сам нёс свой крест. Но роль заботливого старшего брата приклеилась к нему прочно уже больше года назад.

Вот и сейчас Ань Хэ виновато и глуповато улыбнулся:

— Хоть и не родной, зато лучше любого родного. Вот разбогатею — заживём с тобой как короли.

— Обойдусь, — закатил глаза Цзян Жо. — Ты лучше о себе позаботься и перестань позволять вытирать об себя ноги. И на том спасибо скажу.

Пока Ань Хэ лениво жевал лапшу, они перекидывались новостями со съёмочных площадок. Режиссёрская группа, с которой сейчас работал Ань Хэ, грешила тем, что любила сводничать, но в остальном условия были сносными. К тому же за покладистый характер парню даже выделили крошечную эпизодическую роль с именем в титрах.

— И вообще, прекрати читать мне нотации. Сам-то далеко ушёл? — набравшись сил после еды, Ань Хэ попытался перейти в наступление. — Господь наградил тебя таким лицом, чтобы ты пользовался этим как козырем, а не играл вечных водителей на заднем плане.

Цзян Жо смерил его скептическим взглядом:

— А тебя природа создала хрупким и нежным, чтобы из тебя верёвки вили?

Разговор грозил снова скатиться к выяснению жизненных приоритетов, поэтому Ань Хэ благоразумно прикусил язык. Он отставил пустую миску, забрал со стола пачку денег и, отсчитав несколько купюр, протянул Цзян Жо:

— За труды, братец.

Цзян Жо спорить не стал, забрал деньги и буркнул напоследок:

— Безопасность превыше всего. Если такое повторится, я не гарантирую, что не размажу этого урода по асфальту.

Ань Хэ прекрасно помнил, как Цзян Жо дерётся, поэтому испуганно сжался и покорно закивал:

— Понял, понял.

Уже у самой двери Цзян Жо внезапно замер и обернулся:

— Кстати, насчёт «пользоваться лицом». Кое-какую выгоду я сегодня всё-таки извлёк.

Ань Хэ мгновенно оживился:

— О чём ты?

— Встретил одного человека.

— Мужчину? Красавца?

Цзян Жо замялся. Холодное, резкое лицо незнакомца снова предстало перед глазами, оставляя ощущение чего-то нереального, почти призрачного. Не найдя подходящих слов, он выразился максимально просто:

— Штучный экземпляр... Высший сорт.

Той ночью сон к Цзян Жо так и не пришёл. Он выбрался на балкон подышать прохладным воздухом. Чтобы совместить приятное с полезным, закинул ногу на перила, растягивая сухожилия. Из-за вечной суеты он забросил базовые тренировки, тело успело одеревенеть, и даже простая растяжка отзывалась тупой болью. Чтобы отвлечься, он достал телефон. Проигнорировав назойливое уведомление о задолженности по кредиту, открыл браузер и вбил в поисковую строку два слова: «Фэнчэн» и «Си».

Фамилия Си была редкой, так что круг поиска сузился мгновенно. Методом исключения осталась лишь одна семья. Цзян Жо догадался об этом ещё тогда, в клубе, услышав, как Чжан Шаоюань подбострастно назвал гостя «молодым господином Си».

К его удивлению, жёлтая пресса о нём молчала. Поисковик выдавал лишь сухие заголовки

финансовых новостей: выход на зарубежные биржи, слияния, поглощения. Впрочем, неудивительно. Семьи с такой глубокой историей и колоссальным влиянием предпочитают оставаться в тени, оберегая репутацию и демонстрируя социальную ответственность.

И всё же внизу одной из статей Цзян Жо наткнулся на любительский снимок. Очевидно, снято было исподтишка. Мужчина на фото был запечатлён в профиль: безупречно резкие, благородные черты лица. Даже при самом предвзятом отношении нельзя было не признать — он чертовски хорош собой. Про таких говорят: «поцелованный богом». Но куда сильнее его внешней красоты цепляла аура — холодное, почти осязаемое безразличие, отсекающее любые попытки приблизиться.

Подпись гласила, что это старший сын семейства Си, держатель трети акций конгломерата, его главный исполнительный директор и будущий глава империи.

Все эти громкие регалии скользнули мимо внимания Цзян Жо. Взгляд зацепился лишь за имя: Си Юйфэн.

«Си Юйфэн», — мысленно повторил он. Бывают же люди, чьё имя так идеально гармонирует с ними самими.

Но ветер — на то и ветер, что его нельзя поймать или удержать в руках.

Резкий порыв ветра ударил в лицо. Цзян Жо заблокировал экран телефона и поднял голову, вдыхая сырую ночную прохладу. Холод разогнал остатки мыслей, унося с собой глупые, нелепые крупницы необъяснимого волнения.

Каково же было удивление Цзян Жо, когда не успела ещё стереться история запросов в браузере, как судьба снова столкнула его с этим человеком.

Спустя две недели съёмочная группа устроила банкет в честь дня рождения исполнителя главной роли. Изначально собирались посидеть в скромном ресторанчике у киностудии, но менеджеры актёра закатили скандал, и празднование спешно перенесли в «Цзиньюань». Из соображений напускной щедрости пригласили даже мелкую массовку вроде Цзян Жо.

Сам он идти не собирался, но Ань Хэ по телефону настойчиво убеждал его не глупить: мол, связи лишними не бывают, нужно примелькаться нужным людям. «Да и когда тебе ещё доведётся бесплатно поужинать в "Цзиньюане"? — зудел Ань Хэ. — Меня в прошлый раз сразу в номер утащили, я даже крошки со стола съесть не успел». Так Цзян Жо и оказался у ворот Цзиньюаня — исключительно ради того, чтобы оценить местную кухню за двоих.

Мест в арендованном съёмочной группой микроавтобусе на всех не хватило, поэтому Цзян Жо

добирался на обычном автобусе. Остановка находилась у южных ворот парковки, и до главного входа нужно было прилично пройти пешком. Здесь как раз перекапывали дорогу, тротуары зияли ямами и рытвинами. Не зная дороги, Цзян Жо запутался в заграждениях, свернул не туда и в итоге выбрел на совершенно безлюдный пяточок возле въезда на подземный паркинг.

Вывески главного входа отсюда не было видно. Цзян Жо вздохнул и полез в карман за телефоном, чтобы попросить знакомую гримёршу скинуть геопозицию. В этот час ночная жизнь Фэнчэна только набирала обороты, вереницы дорогих авто бесконечным потоком тянулись к клубу. Внезапно яркий сноп света полоснул Цзян Жо по глазам. Зажмурившись, он инстинктивно прикрыл лицо ладонью.

Кто-то врубил дальний свет, заливая всё вокруг слепящей белизной. Когда прожектор наконец отвернулся, Цзян Жо с трудом разлепил веки, но теперь испытанию подвергся его слух. На въезде, перегородив дорогу, резко затормозил спортивный автомобиль. Стекло опустилось, и сидевший за рулём молодой парень нетерпеливо крикнул:

— Брат! Ну я же просил подождать меня здесь! Ты куда собрался?

В этом престижном районе «Цзинъюань» раскинул огромную открытую парковку на сотню машин со множеством выездов. Шанс столкнуться именно здесь был ниже, чем вероятность того, что Цзян Жо проснётся знаменитым после очередной роли безмолвного водителя.

Телефон коротко завибрировал — гримёрша написала, что ищет место, где ловит сеть. Цзян Жо отправил ей смайлик и устроился поудобнее, наблюдая за разыгрывающейся сценой.

Две машины перегородили проезд, и суетившиеся парковщики поспешно убрали их в сторону. Мешавший движению спорткар и заблокированный им представительский минивэн, судя по эмблемам, стоили баснословных денег.

Но вот люди, вышедшие из них, представляли собой полную противоположность друг другу.

Водитель спорткара выглядел кричаще и нелепо, напоминая дешёвого хоста из ночного клуба. Следом за ним из салона выпорхнули три ярко разряженные девицы — только тогда Цзян Жо сообразил, что купе было четырёхместным.

А вот из дверей минивэна вышел... Цзян Жо замер, узнав знакомый силуэт в белой рубашке. Надо же, снова он. Неужели судьба решила дать ему второй шанс отпустить тот самый восхищённый свист, который он постеснялся издать в прошлый раз?

Впрочем, это были лишь мысли. Как метко подметил Ань Хэ, в теории Цзян Жо был титаном, а на практике — робким зрителем. Вот и сейчас он не только не издал ни звука, но и поспешно укрылся за каменной колонной.

А между братьями тем временем завязался разговор:

— Брат, ты чего? На сообщения не отвечаешь, трубку не берёшь. Я с ног сбился, пока тебя искал!

— Телефон сел.

— А этот бездельник Ши Минсью? Разве он не передал, что я приеду?

— Он звонил, я не слышал.

— Ну и дела... Ладно, проехали. Брат, глянь на девчонок! Ну как тебе? Качество в разы круче, чем в прошлый раз, верно?

Цзян Жо пригляделся. Девушки стояли спиной, лиц было не разглядеть, да и по реакции собеседника ничего нельзя было понять. Тот хранил абсолютное, ледяное равнодушие.

— Нормально. Развлекайся, а я поеду.

— Эй, ну постой! — парень подскочил ближе. — Выходные же, какой сон? Я уже и номер забронировал. Ты же сам в прошлый раз говорил, что хочешь чего-то погорячее...

Дальше Цзян Жо не расслышал — парень приобнял брата за плечи и зашептал ему на ухо какую-то пошлую чушь.

Трое девиц и двое парней — забавы у золотой молодёжи были незатейливые. За два года в киноиндустрии Цзян Жо насмотрелся на подобную грязь и думал, что его уже ничем не удивить, но сейчас к горлу внезапно подкатила тошнота. Всё желание зубоскалить как рукой сняло.

Он уже собрался тихо ускользнуть, но резкий, холодный ответ заставил его замереть на месте.

— Нет.

— Почему? Брат, ты же шутишь? Или ты на самом деле...

— На самом деле.

Голос Си Юйфэна, тихий и низкий, долетел до Цзян Жо вместе с порывом холодного ветра. В нём не было ни капли тепла.

— Мне это не интересно. Потому что мне нравятся мужчины.

<http://bllate.org/book/19587/1942854>